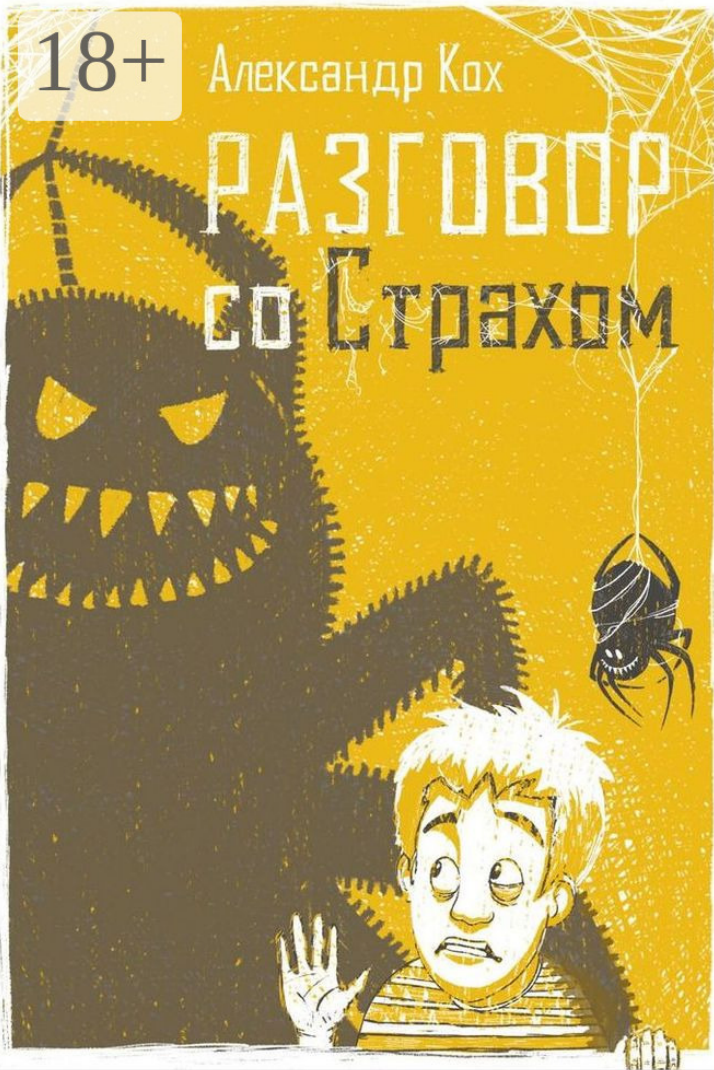

18+

Александр Кох

РАЗГОВОР со Страхом

Александр Кох

Разговор со страхом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67067694

ISBN 9785005590060

Аннотация

Обычный вечер после работы, одинокий ужин, вопрос к себе: чего же я хочу? И вдруг в пугающей тишине раздался голос... голос Страх. Он пришел, потому что наступило время разобраться в себе и найти ответы. Без них жизнь героя принадлежит не ему... Сокровищница мудрых мыслей и романтическая история в одной книге.

Разговор со страхом

Александр Кох

Дизайнер обложки Виталий Стефанович

© Александр Кох, 2021

© Виталий Стефанович, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-9006-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта история началась в обычный, ничем не примечательный пятничный вечер. Стрелки часов лениво предпринимали тщетные попытки двигаться быстрее, но после обеда неизменно впадали в оцепенелый транс. Сотрудники продолжали ходить и совершать некие действия, но происходило все это в режиме автопилота. Я не был исключением. Пальцы механически печатали отчет, глаза блуждали между часами и клавиатурой, желудок предвкушал ужин, а душа была где-то далеко. Где – я не брался определить. Лень.

– «Лень – двигатель прогресса! Пульт от телевизора, микроволновка – всего этого не было бы, если бы человеком не двигала лень!» – говаривал наш начальник, любивший пофилософствовать по самым незначительным пово-

дам. Не знаю, может, лень и двигает человеком, но явно не тем, который все это изобретал. Скорее, это понятие ближе тому, кто всё это приобретает.

Поразительно, как легко голова переключается на что-то бесполезное: на рассуждения, на пейзаж за окном, на очередное оповещение в телефоне – лишь бы не работать. Интересно, так у всех происходит или только у тех, кому всё осточертело?

И вот – последнее нажатие клавиши, отчёт готов (пусть никто его толком и не прочитает, но я же писал его не для чтения, а для зарплаты), стрелки часов достигли заветной отметки, и – свобода! Наконец-то можно пересесть с рабочего компьютера за домашний! Не это ли апогей мечты, лелеемой всю неделю?

Ехал в автобусе, отгородившись от всех наушниками и представляя себя героем клипа, беззвучно подпевая или просто уходя в себя. Странное дело: громкость музыки в твоих ушах не показатель того, что ты слышишь песню. Думаете, наушники изобрели, чтобы слушать? Как бы не так! Их придумали, чтобы не слышать. Идея замечательная: ты не слышишь не относящихся к тебе разговоров, детских криков, шума машин и прочих неприятных звуков. Правда, вместе с этим перестаёшь слышать и шум дождя, шелест листьев и даже просто тишину. Но кого это волнует? Всё отвлекает, ничего не хочется, всё мешает. Видимо, природа уже тоже в числе отвлекающих нас факторов. От чего отвлекающих?

Моя остановка. Переполненный автобус с наслаждением выплюнул меня и ещё нескольких человек, и деловито ука-тил. Справедливо. У каждого свои дела. Даже у автобуса. Чем я хуже?

По дороге домой зашел в супермаркет. Раньше магазины были, а сейчас все с приставками «супер» -«гипер» -«мега». Приятно. С такими приставками уже в простой магазинчик приходиться как-то несолидно. Даже если ты по старинке покупаешь самую обыкновенную колбасу с добавлением мяса, батон с добавлением муки и молоко, хранящееся месяцами. Всё только натуральное. Другого нам не предлагают.

Купив всё самое необходимое для ужина, побрёл домой. Мимо соседей, пожилой пары вечно орущих друг на друга супругов, проследовал спокойно, как крейсер. Ни один му-скул не дрогнул на моём лице, благо наушники были на ме-сте. Подумать только, сколько себя помню, она кричит, что он бессердечная скотина, он – что она мокрая курица. Он пьёт и бьёт, она кричит и изменяет, и оба грозятся друг от друга уйти. Сначала разойтись мешали общие дети, по-том – общая жилплощадь. Так и живут, превращая соседей то в слушателей, то в зрителей бесконечной мыльной оперы. И никаких сериалов не нужно.

Поворот ключа – и я в своей квартирке, маленькой, но хо-рошей. Привычный небольшой беспорядок радушно встре-тил меня, заключив в тёплые объятия. Наконец-то дома! Кот, неспешно идущий на кухню, удостоил меня коротким взгля-

дом и, не сбавляя шага, продолжил свой путь. «Да, – согласился я с котом – ужин будет нелишним».

Предложив коту корм (именно предложив, потому что кот вёл себя так, что ему можно было только предлагать или подавать), я занялся приготовлением своего ужина, на ходу включив телевизор. Возможно, если бы Сэр (так я называл кота, о чём уже тысячу раз пожалел) умел разговаривать, я бы давно избавился от этого сплюснутого черного ящика. Те, кто в нем мельтешат, или намеренно веселые, или поверхностно циничные, или просто недостаточно одетые. Очередной гость какой-то программы что-то рассказывал о своих желаниях, а ведущий старательно пытался изобразить на своем лице интерес, но постоянно перебивал.

– Зачем становиться ведущим, если не умеешь слушать? – обратился я к коту. По всей вероятности, их сиятельство со мной согласились, но разобрать было трудно – отвернувшись, он ел корм.

– Всем так нравится говорить, – продолжил я свою мысль – что слушают уже только себя, на других нет времени. Понимаете меня, Сэр?

Кот понимающе уснул.

Вот и поговорили.

Телевизор продолжал вещать, допытываясь, чего же кто-то хочет. Причём участники программы делали это все громче и громче, до такой степени, что слушать это безобразие положительно не хотелось. У меня на такой случай соседи

есть, благо они свои концерты устраивают с уверенной периодичностью. Как будто если ты орешь, тебя начнут лучше слышать и понимать. Если бы всё решалось так просто! Чаще всего, когда на тебя орут, ты сам себя уже не слышишь, и чтобы вновь услышать, начинаешь орать в ответ.

Выключил телевизор и стал есть в тишине. Непривычное чувство. Обычно либо комп, либо телефон, а тут – тишина. Только я и еда. Вот так раньше люди и питались – без посторонних еде звуков. Интересно... В тишине вдруг как-то по-новому заработала голова. Появилось время подумать. Обычно за тебя это делают ведущие, блогеры и соцсети, а тут ты сам. Интересно попробовать!

Что-бишь в голове вертится? А-а-а, вспомнил! Навязчивый вопрос из телящика «чего же ты хочешь?» Действительно, чего я хочу? В обычной жизни как-то не находится время на подобные вопросы. Работа, дом, магазин, интернет, душ, кровать. В таком плотном графике трудно уместиться мыслям, что тут говорить про желания. Может быть, денег? Они уж точно будут не лишними. Но это же не все, чего мне хочется, да? Надо найти что-то помасштабнее, позабористей, такое, чтоб за душу брало. Что бы это могло быть?

Жизнь, желания... Вертится что-то в голове, не пойму... Разобраться со своей жизнью! Точно! Классная мысль! Хотя... Тупиковая какая-то идея. «Разобраться со своей жизнью!» Что ты будешь разбирать? Как? К чему это приведет?

Вперив взгляд в неприветливое небо вечернего города,

я пытался разложить по полкам хаотично выскакивавшие мысли, которые кричали о разном и разбегались по углам при моих слабых попытках призвать их к порядку.

Мои тщетные усилия были прерваны чьим-то покашливанием. Я вздрогнул. Вроде кашель как кашель, но... Было в нём что-то несоседское, нечерезстеночное – больно близко раздался.

– Эй – сказал я полупшепотом, надеясь не услышать ответ. Тишина. Может, всё-таки показалось?

– Есть кто? – чуть смелее спросил я.

Молчание. Я выглянул в прихожую. Никого. Ещё осмелев, я вошел в комнату, включил свет – и на этом моей смелости пришел конец. Я обмер. В моём любимом кресле сидел какой-то мужик и читал газету.

– Ну ты подумай, – заявил он, не поднимая глаз – как только что-то в стране происходит, сразу пенсии поднимают.

Я стоял как пришибленный, чувствуя полнейшую беспомощность рук, ног и языка, не в силах ни шелохнуться, ни закричать. Сказать, что мне стало страшно – значит не сказать ничего. Я в полной мере, каждой клеточкой своего тела ощутил, что такое парализующий ужас. Наверное, то же самое испытывает кролик, глядящий на удава: обычно быстрый и юркий, он в полнейшем бездействии встречает свою бесславную участь, становясь зрителем собственной смерти – балом безраздельно начинает править удав.

– Чего застыл, как неродной? Проходи, присаживайся,

чувствуй себя как дома.

Голос человека, сидящего в кресле, вывел мои ноги из обездвиженности, после чего они донесли меня до дивана. Именно ноги донесли, а не сам дошел – ничего, кроме ног, я не ощущал. Я сел, неотрывно глядя на него. Он неспешно сложил газету, отложил ее на журнальный столик и с ехидной улыбочкой уставился на меня.

– Вы... кто? – запинаясь, выдавил из себя я.

– Страх твой – спокойно ответил он.

– В смысле?

– В прямом.

– Что за ерунда – опешил я, – так не бывает!

– А зачем, по-твоему, я сюда явился? Грабить тебя?

Смешно.

– Но может...

– ...убить? Нет, приятель, ты мне живой нужен.

– Зачем? – испуганно спросил я.

– Ты думаешь, от тебя мертвого будет больше пользы?

Возможно, ты и прав – с издевательской задумчивостью протянул он. – Но – извини, дружище, не моя юрисдикция.

С трупами не работаю.

– Так зачем вы сюда пришли?

– Чтобы куда-то прийти, надо сначала оттуда выйти, а я никуда не уходил. Всегда был рядом с тобой, как самый преданный и закадычный друг. Куда ты – туда и я.

– Но раньше... – начал я.

– То, что ты меня раньше не видел, ещё не значит, что меня не было. А сейчас я просто решил исполнить твое желание.

– Какое к чёрту желание?

– Ну как же – «разобраться со своей жизнью». Ты же этого хотел, да?

– Откуда вы... откуда вы знаете об этом?

– Да я всё про тебя знаю, гораздо лучше, чем ты сам. Ну, пойми ты, наконец: я не вор и не маньяк, я – твой Страх. Хочешь доказательств, Фома неверующий? Как скажешь.

После этих слов он исчез. Пропал. Растворился в воздухе. Как будто ничего и не было. Я ошалело уставился на кресло, не понимая, что это было: сон, явь, галлюцинация... Хрень какая-то.

– Хрень у тебя в голове, приятель.

Я завертел головой в поисках загадочного пришельца, но его нигде не было. Голос доносился из ниоткуда. Не самое приятное ощущение.

– Вы где? – спросил я.

– Ну что, убедился, наконец? Для того, чтобы быть с тобой рядом, мне не обязательно показываться тебе на глаза.

– Простите, вы не могли бы... ну... чтоб видеть...

– Некомфортно, да? Я понимаю – с издевательским сочувствием сказал он, вновь появившись в кресле так же внезапно, как и исчез.

– В следующий раз – сказал он, – ты подумаешь, и крепко

подумаешь, перед тем, как чего-то захотеть. Берегись своих желаний!

– Что же мне теперь делать?

– Боюсь, что это не моя проблема – заявил Страх. – Часть твоего желания я выполнил, а дальше – выплывай, как знаешь.

Меня начало выводить из себя его издевательское спокойствие и наглая улыбочка с ехидцей.

– В таком случае я знаю, что делать. Убирайтесь отсюда!

– Ты такой милый, когда сердисься – умильно сложив бровки домиком, сказал он. – Ты мне нравишься, парень.

– Я, кажется, доступно объясняю? Пошёл вон отсюда!

– Наконец-то мы перешли на «ты».

Он с улыбкой взял газету и развернул ее, заслонившись от меня. Это стало последней каплей. Я вырвал у него газету, швырнул в сторону, и хотел было схватить его за грудки, но мои пальцы скользнули по обивке кресла, пройдя то ли сквозь него, то ли рядом. В тот же миг он вскочил, вцепился мне в горло и, не ослабляя хватки, впечатал в стену. Я пытался бороться, но мои руки ловили только воздух.

– Что такое? – участливо спросил он. – Возникли небольшие трудности, да?

– Да – просипел я. Воздуха становилось все меньше.

– Это случается – ласково сказал он. – Бьёшься, пытаешься – и ничего не выходит. Печально. Сочувствую. Может, я могу что-то сделать для тебя?

Я кивнул и показал на шею. В глазах у меня начинало темнеть.

– Ах, это! – воскликнул он. – Это – пожалуйста. Хотя... Нет. Если ты снова на меня набросишься, что мне делать?

Я отчаянно замотал головой.

– Что такое? Ты что-то хочешь сказать? Так говори. Что? Плохо слышно.

– Не наброшусь – прошелестел я.

– Это хорошо – радостно сказал он. – Только знаешь – чего-то мне не достаёт во всём этом.

Я попытался изобразить вопросительный взгляд.

– Чего не хватает? Даже не знаю... Как-то ты повел себя так... Нехорошо, что ли. Мне вот неприятно сейчас, кошки скребут на душе. А я натура тонкая, чувствительная, к такому обращению не привыкшая. Что мне теперь делать?

Страх смотрел в окно, но краем глаза следил за моей реакцией.

– Прости – одними губами сказал я.

– Что? – он с интересом взглянул на меня.

– Прости – чуть громче пропищал я.

– Ты не поверишь – полегчало – весело сказал он, потрепал меня по щеке и наконец-то разжал свои пальцы. Тут же я сполз по стеночке на пол, попеременно откашливаясь и лоя ртом воздух.

– Вежливость, вежливость и ещё раз вежливость – вот кредо общения между порядочными людьми, не находишь?

– Сдаётся мне, что человеком тебя можно назвать с большой натяжкой.

– Это уже детали. Главное – урок ты усвоил.

– Какой урок я должен был усвоить?

– Что кулаками делу не поможешь. Глупо применять силу к тому, кто сильнее тебя.

– Подожди-ка. Вот с этого момента поподробнее, пожалуйста. Ты ведь мой Страх, верно?

– А чей же ещё? Ты видишь здесь ещё кого-то, кому я могу принадлежать?

– Как же получается, что то, что принадлежит...

– Аксессуар – Страх с любопытством смотрел на меня.

– Хорошо, аксессуар. Как получается, что аксессуар сильнее своего владельца?

– Ну, это вообще элементарный вопрос. Есть у тебя, положим, телефон. Хорошая, казалось бы, штука: сообщения там, звонки всякие, всегда на связи, интернет опять же таки. И ты хозяин этой вещицы. До того момента, пока он не запиликает. А дальше ты следуешь тому, что он советует: читаешь, просматриваешь, листаешь, отвечаешь. И далеко не всегда ты делаешь это, когда хочешь. Раздался «пилик» – как приказ, и ты бежишь его исполнять. Кто написал, кто позвонил, что случилось в мире за те долгие пять минут, на которые ты отлучился от телефона – каждый раз твоя рука тянется к нему после очередного мелодичного «пилик» - приказа. А если приказов какое-то время не поступает, ты

в беспокойстве хватаешь свой аксессуар: «Что такое? Обо мне все забыли, что ли? Что делать?» – и начинаешь напоминать миру о себе бесконечными лайками, репостами и прочей интернетовской шелухой. Ты же хозяин своего телефона? Формально – да. А на деле? Так-то, приятель.

– Вот тебе ещё примерчик для пушшего сравнения – продолжал Страх. – Твоё тело. Оно ведь твоё, так? Ты владеешь им безраздельно и распоряжаешься по своему усмотрению. Ровно до того момента, пока оно не заболит. Теперь уже тело владеет тобой: мыслями, чувствами и что там у тебя ещё есть? Вот и выходит: иногда ты владеешь своим телом, а иногда оно владеет тобой. И вот ты из владельца постепенно превращаешься в собственность. И чем multifunctionalней твой аксессуар, тем масштабнее он влияет на то, как ты живёшь: с телефоном в руке, с болью в животе или со страхом – с улыбкой закончил он.

– Подожди, вот говорят же: «Надо бороться со своими страхами»...

Он посмотрел на меня как на ребенка, пытающегося съесть куличик из песка.

– Ты вообще где это слышал? В телевизоре? Выбрось. В интернете прочитал? Думать надо головой, а не гуглом. Ты хоть иногда включай её, когда слышишь подобный бред. Как можно бороться с тем, что сильнее тебя? Это то же самое, если бы ты с голыми руками вышел на динозавра размером с десятиэтажный дом и кричал ему: «Сдавайся! Ты в плену!»

И чего это ты так рьяно хочешь от меня избавиться? Только встретились, познакомились, а ты уже ищешь способы прогнать меня взащей.

– Ну, вообще-то, не совсем комфортно находиться рядом с тобой.

– Ой-ой-ой. Всю жизнь, значит, было комфортно, а сейчас – ох, ах, неудобно, неприятно! Тьфу! Что за лицемерие такое!

– Поставь себя на моё место...

– Что за эгоизм! Я здесь не для того, чтобы ставить себя на твоё место.

– А для чего ты здесь?

– Видать, я тебя об стенку крепенько приложил. Память отшибло? Я же сказал: помочь разобраться тебе со своей жизнью. Всё как просил.

– Между прочим, я не просил, чтобы ко мне в дом вваливалось непонятное существо.

– Ты в следующий раз как просить будешь, желание конкретизируй: хочу вот это, но на своих условиях.

– Волшебник хренов... Я и без твоей помощи могу разобраться со своей жизнью!

– Какая самонадеянность...

– Ты мне для этого совершенно не нужен!

– А чего ты передо мной распинаешься? Действуй, я тебе не мешаю.

– Мешаешь!

– Чем?

– Своим присутствием!

– Здесь ещё и кот присутствует. Он тебе тоже мешает?

У тебя если кишка тонка разобраться с тем, что ты хочешь, так ты прямо об этом и говори, а не ищи виноватых. Вот ты сейчас ручонками машешь, ножками сучишь, кричишь, суетишься, а дело стоит. Кто в этом виноват? Неужели, я?

– А почему я?

– А потому что жизнь твоя. Не моя, не кота, не Иван Иваныча, а твоя. И она почти вся зависит от тех решений, которые ты принимаешь или не принимаешь. Сейчас ты принял решение покричать и помахать ручонками. Хорошо. Тебе это поможет решить твою проблему? Боюсь, что нет. Так чем ты сейчас занимаешься? Решением проблемы или поисками виноватых в том, что ты не можешь её решить?

Я стоял как оплеванный. Сказать было нечего, кроме того, что он прав. С чего же начать свои поиски? Желание, высказанное вскользь, и представлявшееся мне до этого чем-то чрезвычайно абстрактным, вдруг обрело конкретные формы и вынуждало меня действовать. А к этому я оказался совершенно не готов. Одно дело – высказать свое желание, и совсем другое – самому же прикладывать усилия для его исполнения. Сейчас я впервые задумался об этом. Мы все так смелы в своих фантазиях, и так робки в своих действиях, несоизмеримых с масштабом поставленной цели, что становится не по себе. Сколько желаний оказалось разбито

только из-за того, что не рассчитал силы на их осуществление! В фантазии всё так легко и просто именно потому, что она совершенно не учитывает процесс своей реализации. А с учётом процесса, это уже не мечта, а жизнь. Готов ли я к ней?

– Я не знаю, с чего мне начать – беспомощно сказал я.

– Так ты уже начал, разве не заметил? Конечно, думать не так просто и приятно, как руками размахивать, но более действенно.

– Куда меня это приведёт?..

– Видишь, мне даже рта раскрывать не надо. Ты сам прекрасно справляешься с моими функциями.

– То есть?

– Какое имеет значение, куда тебя приведут твои мысли? В любом случае, ничего плохого с тобой не случится. Но вместо того, чтобы просто идти, ты начинаешь сам себе выставлять блокпосты. Ты ещё ничего не сделал, а границы уже нарисовал. Куда идти? Как идти? Сколько идти? А что будет, если пойти? Пройдёшь первую такую мыслишку, вторую, а на третьей засыплешься и по итогу вернёшься туда, где начал.

– Но не могу же я просто идти и ни о чём не думать?

– Кто тебе это сказал? – Страх внимательно посмотрел на меня. – В этом и есть опасность начала любого пути – попросту его не начать. Ты думаешь, анализируешь, представляешь – в результате силы потрачены, а шаг так и не сде-

лан. Только я тебе уже не дам так поступить, сынок. Ты либо идёшь вперед, либо стоишь на месте – мне наплевать, но ты берёшь на себя ответственность за это дерьмо, а не ищешь отговорки или занимаешься самоуспокоением.

– Что же делать??

– Какая мне разница? Делай что хочешь, жизнь твоя. Только запомни: если она твоя – ты отвечаешь за то, во что она превратилась. А до тех пор твоя жизнь будет принадлежать кому угодно, только не тебе. Мне, другим людям, обстоятельствам – не важно. Но если ты принимаешь решение отдать нам её на откуп, то уж не обессудь. Мы сделаем с ней то, что посчитаем нужным.

– Это каким же образом?

– Самым, что ни на есть, обыкновенным: ты будешь жить по тем правилам, по которым мы тебе позволим. А от правил один шаг до закона – ты выполняешь его, не рассуждая. Удивительно – хмыкнул Страх, – ты уже столько лет живёшь под мою диктовку и даже не замечаешь этого!

– То есть ты хочешь сказать, что сам я ничего не решаю? – с недоверием спросил я.

– Ну, почему же: сходить в туалет, например. Сие деяние лежит исключительно в зоне твоей компетентности.

– Это всё, что ли?

– Да – просто ответил он, пожав плечами.

– Что ты несёшь? Бред. Не может быть! – я в волнении зашагал по комнате. – Я всё делаю сам, ясно тебе?

– Что ж ты так распереживался-то? Для человека, отстаивающего то, во что он искренне верит, ты слишком нервничаешь.

– На что ты намекаешь?

– Я никогда не намекаю, приятель, нет нужды. Я говорю прямо. Если бы ты чувствовал, что я не прав, то не носился бы сейчас по комнате.

– Я и чувствую.

– Значит, плохо чувствуешь. Очередной самообман.

– В чём же он, по-твоему?

– В том, что не принимаешь очевидных вещей.

– То, о чём ты говоришь, мне не кажется очевидным.

– Может, хватит с таким наслаждением обманывать самого себя?

– Что? – я в недоумении уставился на него.

– Мда-а... – протянул Страх. – Видимо, конец рабочей недели плачевно сказывается на твоих интеллектуальных возможностях. Хорошо, давай объясню на пальцах, специально для умственно измочаленных. Ты сейчас чем занимаешься?

– Не соглашаюсь с той белибердой, которую ты несёшь.

– Хорошо. А ещё?

– Больше ничего.

– А вот и неправда. Ещё ты нервничал, когда, как ты говоришь, не соглашался с моей белибердой.

– Допустим.

– Чего ты так нервничал?

– Потому что ты не прав.

– Прекрасно. А если я тебе сейчас скажу, что Земля квадратная, ты тоже разволнуешься и будешь наматывать круги по комнате?

– Нет, конечно!

– Почему? Я же снова буду неправ!

– И что? То, что Земля круглая, касается меня в меньшей степени, чем то, о чём ты говорил.

– Ладно, эгоист, зайдём с другой стороны. Мне кажется, ты агрессивен.

– Я? Ни в малейшей степени!

– Помнишь, как в детстве ты об своего соседа Петеньку лопатку сломал?

– Это было тысячу лет назад. И чуть ли не единственный момент за всю мою жизнь, включая сегодняшний случай. Ты пробрался ко мне в квартиру, а Петька мое ведро разбил – я засмеялся. – Так что всё по-честному.

– Хорошо, а почему ты сейчас по комнате не забежал?

– А зачем? Ведь я прав – сказал я и осёкся.

– Это я и хотел доказать. Видишь, как просто: ничьи необоснованные обвинения никогда тебя не заденут, а значит, и не заставят нервничать. И совсем другое дело, когда тебе озвучивают то, в чём ты не уверен или сомневаешься. Особенно когда сам себе в этом не признаёшься.

– Хорошо, даже если я соглашусь с тем, что от меня ни-

чего не зависит...

– Сынок, мне кажется, что ты только что сам себе поставил условие.

– Какое?

– «Если я соглашусь» – передразнил Страх. – Можешь не соглашаться, мне-то что за дело? Давай оставим всё как есть: ты в рамках, а я в дамках. Меня устраивает.

Он поудобнее откинулся в кресле.

– А если меня это не устраивает?

– Слишком много «если», приятель. Если соглашусь, если не устраивает... «Я соглашусь играть этот матч, если мне заплатят миллион долларов, дадут лучших в мире игроков, а в соперники поставят «Динамо-Задрищенск». Круто было бы, конечно, правда, сдаётся мне, с такими условиями тебя бы попросту послали. А чем жизнь хуже футбола? Почему она должна принимать твои условия? Запомни, дорогой: чем больше условий ты себе выставляешь, тем меньше шансов начать игру.

– И с кем же я должен играть?

– Меня не устраивает слово «должен». Тебя никто не заставляет и не принуждает. Ты свободен в своём выборе: делай что хочешь, хоть ничего. Я не в накладе.

– Ты не ответил на вопрос.

– Может, сам попробуешь? Или мне до твоей старости всё разжёвывать и в рот класть?

Наступило тягостное молчание. Я не знал, что ответить,

мысли водили беспорядочный хоровод у меня в голове, а тишина и присутствие моего гостя давили своей тяжестью. В который раз за сегодняшний вечер я ощутил полнейшую беспомощность. Да, я хотел разобраться со своей жизнью, но даже предположить не мог, что я в ней настолько некомпетентен. Слова, которые говорил мой Страх, летели в меня как пули, и били в самые незащищённые места. Откуда у меня их столько?

– Я не хочу играть. Я хочу жить – после этих слов мне стало чуточку легче. Страх оставался невозмутим.

– Мне казалось, я достаточно неплохо разбираюсь в том, что со мной происходит. Теперь... Теперь я не знаю, что делать. Знаешь, как маленький ребёнок, оставшийся один, без родителей, на оживлённой улице. Он и раньше видел эту улицу, гулял по ней со взрослыми, всё было здорово – и вдруг, стоило убрать лишь одно условие – старших рядом, как становишься жалок и беспомощен. Куда идти? Где искать своих? И хочется просто орать от безысходности, потому что даже проходим плевать на тебя, они как шли, так и идут по своим делам. Потом родители возвращаются и вроде всё в порядке, но эти чувства – брошенности и ненужности, никуда не уходят, они остаются, просто ты не думаешь о них, забываешь. Но что-то внутри тебя не забудет этого никогда. Сейчас я испытываю нечто подобное.

– С той только разницей, что ты не ребёнок.

– Что-то мне не легче от этого.

– Как думаешь, какая основная разница между тобой и ребёнком?

– Никакой – засмеялся я.

– А если подумать?

– В отличие от ребенка, я смогу найти дорогу домой на незнакомой улице.

– Да, но не это важно. Главное – ты можешь позаботиться о себе сам. Сам, понимаешь? Тебе не нужно ждать, пока кто-то сообразовит уделить тебе внимание. Ты можешь сделать это самостоятельно, не прибегая к посторонней помощи.

– Звучит обнадеживающе, но если у меня нет сил на самого себя?

– А с чего ты взял, что они есть у других? Даже если есть, почему ты думаешь, что они будут тратить их именно на тебя? Возможно, у них есть дела поважнее, чем ты и твоя унылая физиономия.

– Не особо радостно от этой мысли...

– А ты думал! Добро пожаловать во взрослую жизнь! Сколько выросших мальчиков и девочек бегают в поисках капельки внимания? Ты не одинок в своих стремлениях.

– Но если мне нужен рядом другой человек!

– Для чего? Сопли тебе вытирать? Хорошо, коли сыщется такой человек. А если нет, что тогда? Сядешь на задницу и начнёшь рыдать? Взывать о помощи? Надеяться, что кто-нибудь, увидев твои страдания, расчувствуется и подойдет?

– Я как-то не думал об этом.

– Так пришла пора подумать, сынок! Очнись! Сними розовые очки! Тебе уже не пять лет! Ты взрослый, более-менее состоявшийся человек, а ведёшь себя как ребёнок! Чем больше надежд ты будешь возлагать на других, тем меньше сил у тебя останется на себя.

– Как такое возможно?

– «Тётя Маша меня пожалеет, дядя Вася мне поможет, сосед Коля мне подскажет, коллега Вика мне подсобит, начальник поймёт, а родители, чуть что, дадут денег». Именно к этому ты сейчас пытаешься свести себя – к жизни среднестатистического неудачника, целиком зависящего если не от окружающих, то от обстоятельств.

– То есть ты ведёшь меня к мысли об абсолютной самостоятельности? – на мгновение мне показалось, что я наконец нашёл уязвимое место в его рассуждениях.

– Любишь же ты бросаться из крайности в крайность. Абсолютной самостоятельностью не обладает даже президент, что уж говорить о вас, простых смертных. Твоя самостоятельность всегда ограничена другими людьми или жизнью. Но – Страх поднял вверх указательный палец, – одно дело, когда эти ограничения естественны, и совсем другое – когда ты создаёшь их сам.

– Не совсем понял – сказал я, слегка разочарованный тем, что он снова не дал мне возможности почувствовать себя хоть в чём-то правым.

– Бывают ситуации объективно выше тебя: смерть, война,

эпидемия. Здесь ты вынужден принимать решения в строго заданных жизнью рамках. Можно захотеть сказать близкому, что любишь его, но – увы и ах, поезд ушёл, он умер, ты опоздал. Само собой разумеется, что здесь от тебя ничего не зависит, ты заложник этого обстоятельства, ведь близкого не воскресишь. А вся остальная жизнь – в зоне твоего влияния. Если ты, конечно, захочешь.

– Разве я могу не захотеть влиять на собственную жизнь?

– Ты ещё спрашиваешь? По-моему, именно этим ты занимаешься последние тридцать лет. Единственный, кто полноценно управляет твоей жизнью – это я. Как ты до сих пор не уяснил себе этого?

– Докажи!

– Как ребёнок, честное слово. Докажи мне обратное – и у тебя отпадет необходимость в моих доказательствах.

– Каким образом?

– Сделай что-нибудь сам, без моего участия.

– Например?

Страх внимательно посмотрел на меня и расхохотался.

– Я тронут. С каким упорством ты раз за разом доказываешь мою правоту. Тебе подсказать, что ты умеешь самостоятельно, сынок? Я так понимаю, ты не в силах разобраться без меня даже в этом вопросе – с издевательским сочувствием. Страх уставился мне в глаза.

Шах и мат. Уже не первый за сегодняшний вечер. Я чувствовал раздражение к этому типу, столь нахально отслежи-

вающему малейшую мою реакцию, и злость на себя за то, что он переигрывал меня снова и снова, а я не находилась, что ответить на все его выпады. Что же делать?

– Включу-ка телевизор – сказал я в надежде поймать его хотя бы на том, что для пользования пультом Страх мне не нужен. В это же мгновение его лицо расплылось в широчайшей деланно-милой улыбке.

– Мне приятно, что ты решил поставить меня в известность об этом. Конечно, включай, я не против.

Я сжал зубы в бессильной злобе.

– Как такое вообще возможно, чёрт возьми?! – почти прокричал я.

Страх лишь заливисто рассмеялся мне в ответ. Это становилось невыносимым. Я быстро вышел из комнаты и направился на балкон, на ходу закуривая сигарету. Открыв окно, высунул лицо в надежде урвать кусочек от ветра или ощутить ночную прохладу, но увы, даже погода сегодня играла не на моей стороне. На балкон просочилась тяжёлая городская духота, умеющая только отнимать, а не давать силы. До боли впился пальцами в подоконник, чтобы унять взбешённое дрожание рук. Я походил на подростка, получившего первую увесистую оплеуху от окружающего мира, редко поощряющего идеализм. Находиться в руках существа, знающего все твои слабости – так себе чувство, по правде говоря. Особенно если до этого не задумывался, сколько их у тебя. Голос Страх вывел меня из задумчивости.

– Может, тебе ещё водочки налить? И накапать туда валерианы? – последнее слово он буквально пропел.

– Скажи, ты так и будешь злить меня? – устало проговорил я.

– Какой ты у нас ранимый, оказывается. Бе-е-едненький! По головке погладить?

– Пошёл ты – обреченно сказал я.

– С удовольствием, но только вместе с тобой.

Я почувствовал, как внутри меня закипает истерический смех, начавший прорываться наружу нервическими переливами, пока не превратился в полноценный хохот, к которому мой гость не без удовольствия присоединился. Отсмеявшись, я заметил, что смотрю на Страх уже не со столь сильным ощущением потерянности себя.

– Что ж, видимо, мне стоит примириться с твоим присутствием.

– Правильное решение – с улыбкой ответил он. – Я же мирюсь с твоим.

– Тебе тоже нелегко со мной?

– В начале было нелегко: надо было подстраиваться под тебя, а теперь, когда уже ты подстраиваешься под меня, мне проще.

– То есть был момент, когда тебя не было?

– Конечно.

– Хорошо бы вернуться туда – мечтательно произнес я, – никто бы не зудел над ухом.

– Хочешь в детство?

– Организуешь туда путешествие?

– К сожалению, нет, но могу помочь тебе стать ещё более немощным.

– Значит, мне есть куда стремиться.

Страх внимательно посмотрел на меня.

– Ты стал смелее, заметил?

– Пожалуй, – я задумался. – И что с того?

– Ты во всём будешь искать сиюминутную выгоду?

– А ты так и будешь отвечать вопросом на вопрос?

– Моё дело ставить тебе вопросы, а не отвечать.

– С чего ты решил, что мне так уж нужны твои вопросы?

– Потому что тебе понадобились ответы.

А ведь верно. Неужели он появился только для этого?

Страх, видевший меня насквозь, только неопределённо пожал плечами. Решив не отвлекаться на разговоры, от которых порядком устал за сегодня, я отправился спать. Мой визитёр также не проронил ни слова и ничем не нарушал тишину, однако уснуть всё равно не получалось. В голове носились обрывки нашего разговора, что явно не способствовало спокойному засыпанию. Я пытался бороться с этим и думать о хорошем, но безуспешно: колкие замечания Страха всё равно выплывали в мозг. Так я и проворочался полночи, то погружаясь в забытьё, то выныривая в явь, пока, наконец, сон не одержал уверенную победу где-то под утро. Но моё счастье было недолгим: через пару часов я проснулся

от настойчивых просьб кота уделить ему внимание. Чертыхаясь и сетуя на его неблагодарность, я попытался прогнать его, но он был упорен в достижении своей цели: его истошные вопли могли разбудить даже покойника. Любые попытки поймать эту шерстяную скотину не имели успеха. При всей солидности своей тушки, кот, когда хотел этого, был достаточно неуловим, чтоб не даваться в руки просто так.

Страх, лениво позёвывая, следил за нашей вознёй. Признаться, пока я не обратил на него внимания, на какое-то время и он, и вчерашний вечер затерялись где-то в моем подсознании. Но стоило его увидеть, и вместе с ним вернулось напряжение и тяжесть в плечах. Зачем он здесь? Сколько это будет продолжаться? Когда я вернусь к прежней нормальной жизни, и была ли она нормальной, если со мной такое происходит? Вопросов масса, ответов никаких. А может, если его не замечать, он как-нибудь сам потихонечку рассосется?

Не придумав ничего лучшего, я решил следовать этой тактике. Я ел, слушал музыку, смотрел сериал, сидел в телефоне... И, как ни странно, не замечать его становилось труднее. Страх ничего особенного для этого не делал, напротив – он был безмолвен, как статуя, но это не облегчало моей участи. Пробовали ли вы когда-нибудь не замечать того, кто рядом с вами? Это тягостное зрелище, преисполненное обоюдного лицемерия. Ты делаешь, что угодно, ты отвлекаешься, как можешь, но замечаешь и чувствуешь только того, кого пообещал себе не видеть. Внешне ничто не выдает твоих мета-

ний, но внутренне ты кипишь от гнева на самого себя и на того, кого пытаешься игнорировать. Что может быть хуже такого намеренного самообмана? Ведь тебя мучает не кто-то другой, а ты сам. Попробуй-ка, останови.

Я переходил с места на место, с комнаты на кухню, с кухни на балкон, но чем дальше от него отходил, тем сильнее на меня давило его присутствие. Он будто заполнял собой пространство вокруг меня, заставляя чувствовать тесноту там, где её раньше не было. Или я просто не замечал?

– Это становится невыносимым – не выдержав молчания, сказал я и тут же разозлился на себя за это. Слабак! Сам же хотел тишины и покоя и сам же первый отказался от этого.

Страх нарочито молчал, будто подчеркивая мою слабость не только перед ним, но и перед самим собой.

– Может, скажешь наконец что-нибудь?

Тишина. Ничто не изменилось в его облике. Эта застывшая фигура заставляла испытывать смутное беспокойство, хотелось хоть чем-то его расшевелить. Что угодно, только не молчание. Я попробовал включить телевизор – ноль реакции, сделал громче – то же самое. В растерянности я сел неподалеку. Что делать – ума не приложу. Силы куда-то стремительно ушли, остатки настроения улетучились, а Страх как сидел, так и сидит истуканом. Рядом с ним и я впал в какое-то тупое беспомощное оцепенение. Вроде как ты и в сознании, слышишь шум города за окном, но ничто тебя не трогает, голова тяжелая, не смотря на отсутствие мыс-

лей, а тело будто приросло к стулу, не в силах сдвинуть себя с места.

Сидя так, я унёсся куда-то далеко-далеко в детство, в момент, когда моя мама точно так же безучастно молчала и смотрела куда-то в сторону. Я бегал вокруг нее и уже не помню, за что, просил прощения. Ощущение собственной ничтожности переполняло меня тогда, но я даже не знал, как это называется. Уж лучше бы она кричала, чем молча позволяла растекаться перед ней лужицей в моём унижении. Вероятно, позже мама вернулась в свое обычное, нормальное состояние – я уже не помнил, только у меня тогда что-то неуловимое замерло внутри, замёрзло и рассыпалось. И вроде снаружи ничего не изменилось: я ведь не разучился улыбаться, сидеть, стоять, ходить – но что-то важное навсегда осталось в том моменте, когда я любой ценой пытался поймать мамин взгляд. И сейчас, спустя столько лет, эта полузабытая детская картинка ожила перед глазами во всей своей красе.

– Эй, ты там уснул, что ли?

Неожиданно прозвучавший голос Страха вернул меня в реальность.

– А тебе-то что за дело? – огрызнулся я.

– Ты что, обижаешься на меня? Чего я такого сделал?

– В молчанку играл.

– Конечно! Ты начал в неё играть, я лишь поддержал тебя в твоём стремлении. А сейчас ты обвиняешь меня, что я

начал играть в то, что ты же и предложил. Попахивает непоследовательностью, тебе так не кажется?

– Скажи, тебе доставляет удовольствие тыкать меня носом в дерьмо?

– Ты только сейчас понял это? Разумеется, это мой маленький кайф. Только обрати внимание: я тычу тебя носом не куда попало, а только в дерьмо. Твоё. Родное.

Страх самодовольно откинулся на стуле и веселые чёртики заблестели у него в глазах.

– Не замечал за собой столько. Я, конечно, догадывался, что оно есть, но не в таких же количествах! А тут ведь шагу нельзя ступить, чтоб не вляпаться!

Хорошее настроение вразвалочку и не спеша возвращалось ко мне, приподнимая уголки губ.

– Скажи, а на что ты рассчитывал, когда решил заткнуться на целый день? – спросил Страх. – Ты думал, что я исчезну, уйду на больничный или возьму отгул? Чего ты ждал?

И действительно – я не знал, что сказать на это. Моя утренняя надежда, что он как-то незаметно испарится, казалась теперь невероятно глупой и наивной, поэтому я лишь пожал плечами.

– Времени на подумать никогда не хватает, зато чтоб пожалеть о сделанном – всегда найдется. Мне вот интересно – продолжил Страх, – как часто вы, люди, используете свою голову по назначению? На то, чтоб подумать, прежде, чем сделать, помолчать перед тем, как сказать...

– Ты решил почитать мне мораль?

– Ни боже мой! Зачем мне это? Просто наблюдаю занятую закономерность: когда появляется незнакомая проблема, сначала вы пытаетесь решить её знакомыми способами, потом, когда это, конечно же, не срабатывает, перестаёте вообще что-либо делать, надеясь, что ситуация разрешится как-нибудь сама.

– Хорошо, и что тогда делать, мистер всезнайка?

– Перестать надеяться на «авось само пройдёт»! Не надейся, не пройдёт. Если у человека на лужайке перед домом появилась куча дерьма, возможно, он в этом не виноват. Но если она продолжает оставаться там, он автоматически становится виноватым.

– В чём это, интересно? Не он же её навалил!

– В бездействии. Пусть не он, как ты выражаешься, её навалил, но именно он её не убрал. Хоть она и находится на его лужайке, а не на соседской. Он может долго и упорно жаловаться на несправедливость и искать виноватых, а тем временем зловонная куча преспокойно будет лежать перед его домом. И кто виноват в том, что этот несчастный тратит свое время на что угодно, только не на то, чтоб избавиться от дерьма.

– Очень самокритично с твоей стороны сравнивать себя с... – усмехнулся я.

– На что только не пойдёшь, чтоб облегчить тебе задачу – Страх оставался доброжелательно-невозмутим.

– Кстати, давно хотел тебя спросить: если ты мой страх, чего же я такого боюсь?

– А тебе всё надо разжевать и в рот положить, да?

– Было бы неплохо.

– Думай.

– Направь меня хотя бы.

– Следи за собой.

– Классная подсказка! Спасибо от души!

– Обращайся, всегда к твоим услугам – Страх расхохотался.

Я помрачнел. Мне захотелось хоть ненадолго избавиться от его навязчивого присутствия, и я стал собираться.

– Куда пойдём?

– Я тебя не приглашал.

– А мне нужно твое приглашение?

Небо, затянутое безрадостно-серыми тучами, гармонично дополняло мое настроение. На детской площадке молодые мамочки с детьми увлечённо тыкались в свои планшеты. Да и прохожие были не лучше: кто в наушниках, кто с риском для жизни шёл, не отрывая глаз от телефона, а кто просто спешил, уставившись в одну точку и не замечая никого вокруг. Никому ни до кого нет дела. Если даже случится конец света, они узнают об этом только из новостных лент. Что уж говорить о том, чтобы кто-то заметил молчаливые страдания ближнего и увидел, как рушится мир в чьих-то глазах.

Она бы заметила. Или просто мне хочется так думать?..

Сейчас я испытывал двоякое чувство: с одной стороны, меня тяготило присутствие Страха, с другой – выйдя на улицу и почувствовав себя ещё более одиноким и никому не нужным, в глубине души я радовался, что рядом есть кто-то, кто не отходит от меня ни на шаг, пусть даже это и мой страх. Мне показалось или он выглядел сочувствующим – не знаю, я просто шёл, стараясь не смотреть на него.

Она... Что Она делает сейчас, интересно? Может быть, пьёт ароматный кофе из турки (Она чудно умела его готовить!) Как это Она говорила... «Немного кофе, щепотку корицы, минутку внимания, чуточку любви – и можно подавать». А может, смотрит сериал, завернувшись в плед? Или также бесцельно бродит по городу, натываясь на знакомые места? Наши места. Впрочем, сейчас я старательно обходил их стороной. А что мне там делать? Те же звуки, те же запахи, те же люди, только нас там больше нет.

Удушливое состояние отдавалось предательским комом в горле. Хорошо бы выплюнуть его, вот только чтобы кто-то подсказал, как... Да и хотелось ли мне избавиться от него по-настоящему? Мозг ответил бы однозначно, а сердце предательски нашёптывало, что не собирается Её забывать. Ком в горле? Чудесно. Сохранившиеся переписки? Великолепно! Простреленная навывлет душа? Что может быть лучше! Никаких напоминаний не требуется, если ты всюду носишь с собой Её образ. Четкий ли, размытый – он камнем ложится на плечи, опуская твои руки.

– Как мне Её забыть? – спросил я у Страха.

– Ты разве этого хочешь?

Как же этот сукин сын умеет заглядывать туда, куда я сам не решаюсь смотреть!

– Да, ты прав. Но мне от этого не легче, мать твою! Что мне делать? Так больше продолжаться не может!

– Что за пафосное заявление? С чего вдруг не может? И может, и будет. Ты же ведь не решил, чего ты хочешь. А пока не решишь, всё останется как есть.

– Звучит как приговор.

– Конечно. Ты сам его себе выносишь. «Я приговариваю себя к страданию, депрессии и вечным мукам. Да будет так!» – Страх театрально поднял надо мной руку.

– Мне тошно, а ты стебёшься. Имей совесть!

– Поимею, не переживай. Да только я абсолютно серьёзен.

– К чёрту твою серьёзность! Ты думаешь, мне нравится переживать, депрессовать и постоянно думать о Ней? Я уже устал от всего этого и не знаю, что делать.

– Нравится это тебе или не нравится – какая разница, если всё равно ты делаешь именно это? Значит, в твоём случае, это не определяющий фактор. Как на работе, к примеру: она тебе не нравится, но ты почему-то продолжаешь на неё ходить. Ты можешь всем уши прожужжать, как ты не любишь работу и козла-начальника, но суть дела от этого не поменяется: каждый день ты будешь там делать то, что тебе не нравится. Тогда выходит, что для тебя «нравится-не нравится»

не слова, а пустой звук. И если ты к этим словам так относишься, почему я должен относиться иначе?

Это заставило меня задуматься. Действительно, я не придавал такого большого значения тому, что говорю. Что стоит за сказанным мной? Насколько это для меня важно? Привык как-то: говоришь и говоришь. Не думая.

– И что будет правильным? – спросил я.

– Если ты про слова, то правильным будет говорить правду. В первую очередь, самому себе.

– И?... – я ждал продолжения.

– Что?

– Что будет правдой для меня?

– А ты подумай.

Что же, в этом случае, правда для меня? Если взять пример Страх с работой, то всё ясно: я хожу на нелюбимую работу ради денег. А вот почему я постоянно думаю о Ней? Мне это не нравится, но я всё равно это делаю. Почему? Кажется, это тупик. Я просительно посмотрел на Страх.

– Что, не получается? Так не топчись на месте, подойди к проблеме с другой стороны.

– С какой?

– Почему ты постоянно думаешь о Ней?

– Наверное, потому что люблю – замялся я.

– Меня вдохновляет твоя уверенность. Если так мямлить, признаваясь в любви, тебя пошлют, даже не дослушав. Так любишь или нет?

– Почему это, чёрт возьми, так важно?

– Да потому что хватит мямлить и изворачиваться! Неужели так сложно ответить? Я задал чёткий и прямой вопрос и жду на него такой же конкретный ответ. Нравится же тебе усложнять себе жизнь!

– Хорошо, ладно, люблю! Доволен?

– Это что, одолжение? И кому ты его делаешь? Мне или себе?

– На тебя не угодить!

– Мне не надо угождать. Меня интересует конкретика.

– Да, я Её люблю – негромко произнес я. С каким же трудом даются эти несложные слова! В один момент они лишили меня сил. Я чувствовал себя так, словно с меня содрали последнюю одежду. Надо быть очень уверенным в себе человеком, чтобы чувствовать себя спокойно и легко, будучи голым в окружении сплошь одетых людей. Я таким явно не был.

– И чего ты так боялся? – спросил меня Страх.

– Бессилия. Как тебе объяснить... Пока не открываешь рот, чтоб такое сказать, вроде все идёт своим чередом: живёшь себе и живёшь. Но стоит только признать, что ты кого-то любишь, как твоя жизнь круто меняется. Что делать с этим чувством? Что теперь вообще делать? Ведь уже не повстречаешься просто так, надо принимать какие-то решения, думать о будущем, в котором ты уже не один. До прихода любви жена-семья-дети были не более чем фантазией, ко-

торая воплотится в жизнь как-то со временем, когда-нибудь, а тут, оказывается, что время уже пришло. Знаешь, хорошо думать о будущем без привязки ко времени: я стану, я сделаю, я буду... Вроде как сделаю, а когда – непонятно. Но ты спокоен! А когда тебе тычут в нос то, что ты называешь реальностью, понимаешь, насколько далёк от нее... И становится страшно: неужели всё то, что я считал планами, на самом деле только мои мечты?

– Мы сумасшедшие – продолжил я. – Окружили себя иллюзиями и живём в них, даже не задумываясь о том, что то, о чём мы мечтаем, никогда не осуществится, просто потому что в наших фантазиях нет места для времени. Также и с Ней: Она пришла, неся с собой любовь, а я оказался не готов. Любовь осталась, а Она ушла. А я не могу нести ее один.

– Почему тогда несёшь?

– Потому что это слишком ценный подарок, чтобы вот так просто выпустить его из рук.

– А тебе не кажется, что то, что ты сейчас несёшь, имеет к любви весьма отдалённое отношение?

– Ты в своём уме?? – слова Страха уязвили меня до глубины души.

– Тише, люди смотрят – одернул он. – Откуда такая уверенность, что любовь всегда идёт рядом со страданием? Не путай божий дар с яичницей, это разные вещи. Любовь – это любовь, а страдание – это страдание. Не надо ставить их на одну чашу весов.

– Да уж, объяснил так объяснил. Любовь – это любовь, страдание – это страдание, а яичница – это яичница. Просто и незамысловато, а главное понятно. Тебе преподавателем в университете работать надо. Или политиком: «Экономика – это экономика, а война – это война».

Страх весело посмотрел на меня, будто обрадовавшись забрезжившему во мне настроению.

– Понимаешь, любовь – это то, что ты отдаёшь и получаешь только рядом с другим человеком. Банальное уравнение, выведенное детьми: Саша + Маша = – Страх в воздухе нарисовал сердце. – Вот эта простецкая формула лучше всего отражает то, что такое любовь. Убери из этого примера хотя бы одну переменную, и это будет про что угодно, только не про неё.

– Как это?

– Ну смотри. Если убрать сердечко из конца уравнения, наши Саша и Маша могут дружить, общаться, ходить друг к другу в гости, заниматься сексом, но любовью там пахнуть и не будет. Если между ними двоими убрать плюсики, связь между ними теряется, а значит, ответ уравнения будет другим. Если же мы уберем одного из героев, ситуация будет такой же. Если один плюс один равно два, то одна единица сама по себе двойкой не станет. Также и здесь.

– Подожди. Ерунда какая-то получается. А если Саша расстался с Машей, но продолжает её любить?

– Назови это каким-нибудь другим словом, ладно? Ску-

чает, тоскует, страдает, но при чём здесь любовь?

– То есть как?! Мне казалось...

– Ты себя крестным знаменем осеняй, чтоб пореже казалось. Хорошо – перебил сам себя Страх, – ты помнишь, каково тебе было с Неё? Что ты чувствовал, когда Она была рядом?

– Спрашиваешь! Конечно, как такое забыть!

– И то, что ты чувствуешь сейчас, расставшись с Неё, такое же, как было тогда, пока вы были вместе?

– Нет – ответил я, насторожившись.

– Это я и хотел доказать – самодовольно ухмыльнувшись, заявил Страх. – То, что ты чувствуешь сейчас, не может быть любовью, потому что не соблюдены все условия уравнения. Мы лишились одной важной переменной, а именно – твоей девушки. А без Неё, как ни бейся, ожидаемого результата не получишь. И то, что ты чувствуешь без Неё сейчас – лучшее тому доказательство.

Сказать, что мне стало обидно – ничего не сказать. Я чувствовал правоту Страха, но у меня было ощущение, что по мне и моим чувствам проехали асфальтовым катком, обесценив их в пыль. Ведь действительно, жизнь с Неё и жизнь без Неё это, как говорится, две большие разницы. Там было счастье, легкость, эйфория, а сейчас тяжесть, тоска и разочарование. Любовь – это ноша для двоих: если ты несёшь её один, она камнем давит тебя к земле, если вас двое – она легче пёрышка. И место нашего пёрышка занял

мой уродливый и тяжёлый камень, в кровь раздирающий душу воспоминаниями. Но хочу ли я от него отделаться – вот вопрос. Своим обесцениванием Страх изящно подвел меня к мысли, что мой камень приносит лишь страдания, нужен только мне, и самое противное – на закуску, – что его даже любовью назвать нельзя. «Не мочь разлюбить» – это одно, более-менее приемлемое, а вот «продолжать страдать» – как-то слегка режет слух и неприятно покалывает чем-то изнутри. Неужели я выбираю страдание? Но почему?.. Зачем мне оно?

За своими мыслями я не заметил, как мои ноги, включившие автопилот, предательски вынесли меня к нашей с Ней кофейне. Ничем не примечательное здание, слегка потрёпанное и обшарпанное, равнодушными глазницами ярких окон спокойно смотрело на меня. Наверное, тем же взглядом оно окидывало и случайных прохожих, идущих мимо, но для меня это не имело значения. Кофейня перестала быть просто кофейней, теперь она – одно из тех мест, которое своим существованием подтверждает, что когда-то здесь были мы. Когда-то были МЫ... Здесь ли, в другом месте – этот дом был лишь одной из многочисленных декораций нашей истории, осколком того мира, который строили двое. Пока идёт спектакль, разве обращаешь внимание на декорации? И только по его окончании, когда актеры и зрители уже разошлись, они передают тебе дыхание тех, кто жил, любил и умирал на их фоне. Я хотел зайти туда, но не решался.

– Зайдём? – неуверенно спросил я больше у самого себя, чем у Страха.

– Не страшно?

– Нет. Скорее больно.

И чего я уставился в эту дверь? Кофе оттуда мне точно никто не вынесет. С обреченностью приговорённого я шагнул вовнутрь. Внешне ничего не поменялось: те же подушки на подоконниках, шепчущиеся парочки за столиками да витрины со вкусностями. А ещё доска на пол-стены, исписанная мелом, на которой каждый желающий оставляет никому не нужные послания вроде «хорошего дня».

Хотел ли я кофе? Сомневаюсь, хотя сложно сказать – тогда я слабо представлял, зачем я вообще зашёл туда. Но раз уж так вышло... Поглядим, что тут есть. Эспрессо, действующий как выстрел, в зависимости от ситуации, либо поднимающий тебя на ноги и заставляющий передвигаться с удвоенной энергией, либо наоборот, затягивающий в горькую депрессивную бездну. То есть либо пуля просвистит рядом, либо уложит тебя на месте прямым попаданием в скопление твоих дурацких мыслей. Нет, это будет уже чересчур. Американо слишком деловой и собранный, чтобы пить его не на работе. В нём нет ничего отвлекающего, даже вкуса – пей и работай. Не хочу. Капучино – напиток оптимистов: сладость, продирающаяся сквозь горечь, своим послевкусием напоминает, что всё будет хорошо. Нет, милый капучино, прости, не сегодня. Латте дарит нежность, тепло и вни-

мание, но предательски быстро заканчивается, как горячий поцелуй без продолжения, потому что уже пора бежать. Нет, сегодня побегу без поцелуев. Раф помогает прогуливаться или созерцать, придавая смысл каждому незначительному действию и любви каждому слову, даже несказанному. Спасибо, ты всегда был очень добр ко мне, но сегодня твой аромат вернет меня к Ней.

– Мне, пожалуйста, чай зеленый с лимоном – сказал я барменше.

Пожалуй, это особый вид святотатства – заказывать чай в кофейне. Но именно он сейчас воспринимался как самый безболезненный для меня напиток: что-что, а уж чай мы с Ней в кофейнях точно не заказывали.

По видимому, барменша относилась к нему с плохо скрываемым презрением: налила кипятку в безликую пластиковую кружку, в которой теперь плавал пакетик с чайным мусором. Расплатившись, я вышел на улицу и совершенно не знал, куда мне идти. Домой не хотелось, а больше некуда. Да и не к кому.

– Чего застыл? – бесцеремонно вторгся Страх в мои мысли.

– Когда я наконец привыкну к тому, что даже один не могу побыть?

– А ты правда хочешь побыть один? Ты уверен в этом? Хорошо, я запомню твоё желание. А зачем тебе это? А-а-а – протянул он, – ясно. Хочешь немного пострадать, да?

– Что ты хочешь, чтоб я на это ответил?

– Можешь не отвечать, и так понятно. Так тебе стоило только попросить меня об этом. Я с удовольствием представлю тебе такую возможность.

Я молча пошёл к небольшому скверику, который был неподалёку. Когда-то именно здесь, затарившись кофе, мы прогуливались с Ней, беседуя обо всём на свете. Вот и сейчас кто-то гуляет... Что-то в движениях этой парочки заставило меня присмотреться к ним повнимательнее. Походка, жесты... Что-то знакомое... Чёрт возьми, да ведь это же Она! Красивые ножки цокали каблучками, синее пальто облегалo её стройную фигуру, фиолетовый шарф подчеркивал цвет глаз, а каштановые волосы нежно гладил ветер. Но не Её появление удивило меня больше всего, а то, что Её спутником был я. От увиденного я чуть не выронил кружку с чаем, правда, её мне поймать удалось, а вот содержимое словили моя куртка со штанами, но в тот момент я не обратил на это ни малейшего внимания. Взгляд мой был прикован к ним. Они шли прямо на меня, оживлённо о чём-то болтая и смеясь. Не останавливаясь и не сбавляя шага, эта парочка прошла мимо. В ушах звенело, сердце готово было выскочить из груди и побежать за ними, и наверняка, сделало бы это, если бы не грудная клетка, которая принимала на себя все его ожесточённые удары за невозможность осуществить задуманное.

Да, когда-то мы прогуливались с Ней именно так, всеце-

ло поглощённые друг другом, беззаботно перепрыгивая с темы на тему, поток которых не иссякал. А если такое и случилось, молчание лишь усиливало ощущение Её тепла. Сколько было таких прогулок, весёлых, задумчивых, лёгких, ироничных. Разных. Какая из этих прогулок станет последней? Кто спрашивает себя об этом? Мы все с готовностью попадаем в ловушку, что то хорошее, что есть сейчас – это так естественно, обычно и навсегда. И теперь, застыв и глядя им вслед, я понимал, ощущал всей кожей с ее нервными окончаниями, какое это было чудо – просто идти вместе, рядом, вдыхая запах Её волос, ловя украдкой Её улыбку и слыша голос, просто голос, а не слова. Вернуться бы в те моменты, хотя бы на час, чтобы надышаться, наговориться, впитать в себя Её всю и то незаметное счастье, которое окружало нас тогда. Я было дернулся им вслед, но Страх мягко взял меня за плечо.

– Не стоит – сказал он. – Не мешай. Видишь, как им хорошо?

– Но там должен быть я! – сердце подступило к горлу, выталкивая из меня слёзы.

– Там и есть ты. Ты был там тогда, и в том времени навсегда останешься с Ней. Но то время ушло, как закончилась и их прогулка, пора идти дальше.

– Не могу – сказал я. – Да, ты прав, я хотел пострадать, но немного не рассчитал силы.

– Условия твоих страданий мы заранее не обговаривали –

Страх вновь вернулся к своему насмешливо-деловому тону. – Я лишь выполнял пожелания заказчика.

– Ты так добр и внимателен ко мне, что прямо не знаю, как тебя отблагодарить.

– Если клиент доволен – что может быть лучшей благодарностью за мой скромный труд? Ах да, ты же ещё просил оставить тебя одного!

Да, стоит признать – этот гад мастерски умел давить на самые больные места. Сейчас, после этой встречи в сквере, я совершенно не мог оставаться один. Боль внутри переполняла, и мне нужен был кто-то, кто помешал бы утонуть в ней.

– А вот чёрта лысого тебе! Не буду сегодня один, понял?

– Ой-ёй! – деланно запричитал Страх. – Как же я смогу выполнить твоё желание?

– А у меня сейчас другое желание, ясно?

– Э, нет, приятель, так не пойдет. Вот, у меня записано: «Хочет пострадать, а потом побыть один». С первым мы разобрались, а второе – на очереди.

– Иди ты со своими очередями знаешь куда? Я сделаю так, как посчитаю нужным!

– Ишь ты, счетовод какой! Самостоятельность проснулась? В таком случае, и я сделаю так, как посчитаю нужным.

Его наглый и самодовольный вид разозлил меня, и я ушёл, не оборачиваясь.

Злость на Страх немного перекрыла боль, но ненадолго: чем дальше я отходил от сквера, тем с большей силой на ме-

ня нападали воспоминания, разрывая на части мой бедный мозг.

Нет, не могу быть сегодня один. Я достал телефон и начал листать список контактов. Этому звонить не хотелось, этот не поймёт, еще один чертовски любит говорить, но напроць лишён умения слушать, у кого-то семья, у кого-то дети, у кого-то работа и ремонт. Вот он, переходный возраст между юностью и старостью: уже не нагрянешь просто так, без предупреждения, только из-за того, что захотелось поговорить. Без предварительного сообщения за неделю и не дозвонишься ни до кого, все заняты.

Я решил вновь зайти в кофейню. В конце концов, там хотя бы не так одиноко, как на улице. Заказав какой-то коктейль, я сел за столик и уставился в окно. Заморосил мелкий дождик, стекая по стёклам моими невыплаканными слезами. Шёпот дождя, приглушенная музыка, размытые акварели фонарей и светофоров на окнах – всё слилось воедино, в одну симфонию о том, что было, а позже ушло безвозвратно. Навсегда. Хотелось кричать или вешаться, но всё это неприлично делать в общественных местах. Сколько нас таких: молчащих, продирающихся сквозь боль, пытающихся изобразить видимость жизни? В подростковом возрасте это кажется таким правильным, возвышенным и красивым, а позже становится обыденной серой формальностью, которой никто не придаёт значения. В какой момент это происходит? Когда-то мы даже депрессовали романтично, уважая

друг друга за это, а потом просто перестали обращать внимание. То ли на депрессию, то ли друг на друга, то ли на самих себя. Может, мы просто поколение такое: ищем смысл и красоту там, где её нет или где предыдущие искатели потеряли надежду их найти? В интернете точно всего этого не найдёшь, впрочем, мы будем последними, кто об этом ещё помнит.

Да, все эти размышления мне точно не помогут избавиться от гнетущего сегодня одиночества. Я перевёл взгляд на барменшу, ловко орудовавшую с разнообразными кофейными принадлежностями. Это была симпатичная молодая девушка лет двадцати пяти, немного курносая, с причудливыми черными вихрами на голове, выбивавшимися из-под кепочки. Подойдя к ней поближе и усевшись за барную стойку, я начал пробовать завязать разговор, к счастью, она оказалась довольно общительной, так что это не составило труда. Содержание нашей беседы я не запомнил, потому что это был один из тех разговоров ни о чем, которые оседают в памяти лишь своей атмосферой. Так мы проболтали до самого закрытия, ей надо было домой, я вызвался проводить и проводил до самой кровати. Очередная банальная история о том, как вечерний кофе плавно перетекает в утренний чай. Она была не настолько умна, чтобы увлечься, но достаточно красива, чтоб ненадолго забыться, что, собственно, и произошло. На какое-то время весь мир за пределами её спальни перестал иметь для меня значение. Были только я и она,

два человека, снявшие маски повседневных ролей и озабоченности своими жизнями. Но все рано или поздно заканчивается и возвращается на круги своя. Более отчётливо я это понял перед рассветом, когда неведомо от чего проснулся. Ещё было темно, только редкие фонари мерцали тусклым светом, я стоял на балконе, поёживаясь от утренней прохлады и крутил в пальцах сигарету.

Ночь – самое одинокое время, от которого придумали только одно лекарство – сон. Всё только для того, чтобы не сталкиваться лицом к лицу с самим собой. Ночь ставит перед тобой те вопросы, от которых убегаешь днем. У каждого из нас свои незадаанные вопросы и ненайденные ответы. Вопросы не задаются, ответы не находятся, жизнь вроде продолжается и ты как бы счастлив. Днём легче обманывать себя, а ночь лицемерия не терпит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.